
ЧИТАТЕЛЬСКИЙ
БИЛЕТ

Николай Богданов-Бельский. Дама с книгой, 1896

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Литературное путешествие
по миру отечественных буквоедов,
книготорговцев и библиофилов

Редактор-составитель

ЮЛИЯ ЩЕРБИНИНА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2025

УДК 002.2
ББК 76.200.0
Ч-69

Редактор-составитель, автор предисловия и вступительных статей
ЮЛИЯ ЩЕРБИНИНА

Редактор ЕЛЕНА ДОРОВСКИХ

Щербинина Ю.

Ч-69 Читательский билет: Литературное путешествие по миру отечественных буквоедов, книготорговцев и библиофилов / Юлия Щербинина. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 460 с. : ил.

ISBN 978-5-00223-368-7

Эта книга — увлекательное путешествие в мир русской литературы, где главная героиня — сама книга. В антологии Юлии Щербиной собраны самые разные истории: от реалистичных зарисовок до мистических новелл, от сатирических сценок до трогательных воспоминаний о детстве. Пять разделов антологии расскажут о том, какую роль играла книга в жизни разных слоев общества, как работала книжная торговля, где за раритетные издания платили целые состояния и какие легенды придавали книгам мистический флер. В антологии представлены как широко известные российские авторы XIX–XX веков (И. Гончаров, А. Чехов, А. Куприн, М. Горький), так и полузабытые, чьи произведения также полны очарования.

УДК 002.2
ББК 76.200.0

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpin.ru

ISBN 978-5-00223-368-7

© Щербинина Ю., 2024
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

Содержание

Предисловие	9
-------------------	---

ЧАСТЬ I

«ЧИТАЕМ ВЗАСОС, ОТ ДОСКИ ДО ДОСКИ...»

Житейские истории

Антоний Погорельский. Монастырка (фрагмент)	17
Борис Алмазов. Катенька (фрагмент)	23
Петр Мартьянов. У букиниста	33
Максим Горький. Дело с застёжками	37
Иван Гончаров. Валентин	48
Леонид Андреев. Книга	57
Александр Измайлов. Обида	61
Александр Измайлов. Книга семи печатей	73
Александр Куприн. Анафема	80
Иван Наживин. Красная книжечка	88
Борис Пантелеймонов. Страшная книга	101

ЧАСТЬ II

«КНИГОВЕРЫ»

Мир библиофильства и книготорговли

Александр Голицынский. Уличные типы: Букинисты	115
Дмитрий Стахеев. Пустынножитель (фрагменты)	119
Александр Федоров-Давыдов. Библиотека на салазках	135
Клавдия Лукашевич. Дядюшка Яков — офеня	139
Николай Рубакин. Книгоноша (в сокращении)	164
Борис Садовской. Конец книголюба	188
Сергей Минцлов. За мертвыми душами (фрагменты)	194
Михаил Черноков. Книжники (избранные главы)	206

ЧАСТЬ III
«В КНИЖКЕ ТАИЛАСЬ ВОЛШЕБНАЯ СИЛА...»

От сказочного до мистического

Владимир Одоевский. Заветная книга.....	223
Петр Гнедич. Пудель	225
Иоасаф Любич-Кошуров. Волшебная книга.....	235
Николай Гарин-Михайловский. Книжка счастья	248
Борис Никонов. Страшная книга.....	252
Владимир Азов. Эстет и черт.....	261
Александр Федоров-Давыдов. Чернокнижники	264
Сергей Минцлов. Вечная слава.....	267
Л. Мирошниченко. Библиотека ночью	269
Василий Новодворский. Тайна старой книги	278
Сергей Минцлов. Странное происшествие.....	291

ЧАСТЬ IV
«НАМ БЫ ГРАЖДАНИНА ЛЕРМОНТОВА СОЧИНЕНИЕ...»

Сатира и юмор

Николай Курганов. Краткие замысловатые повести	301
Григорий Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (фрагменты).....	304
Николай Лейкин. Библиоман.....	309
Антон Чехов. Умный дворник	313
Антон Чехов. Чтение	316
Петр Гнедич. Литературное чтение	320
Петр Гнедич. Книжная пыль.....	330
Влас Дорошевич. За день	339
Александр Измайлов. Пятна на солнце	344
Аркадий Аверченко. Трудное заглавие.....	351
Аркадий Аверченко. Заколдованный круг. Век фальсификаций ...	354
Владимир Азов. Благотворительный сборник	356
Надежда Тэффи. Бабья книга	358
Михаил Булгаков. Библифетчик.....	361
Михаил Булгаков. Новый способ распространения книги	363

Владимир Тоболяков. Библиофил	365
Саша Черный. Диспут	367
Михаил Волков. Чернокнижник	372
Илья Ильф. Благообразный вор	375

ЧАСТЬ V

«Я ВЛЮБЛЕНА В КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОЛКОНСКОГО...»

Дети и подростки среди книг

Глеб Успенский. Книга	383
Варвара Андреевская. Папина книга.....	387
Сергей Семенов. Счастливый случай	411
Евгений Чириков. Ссора, или Обостренные отношения	422
Василий Немирович-Данченко. Разбойник Хаджи-Амед.....	429
Иван Шмелев. Полочка.....	435
Надежда Тэффи. Мой первый Толстой.....	447
Викентий Вересаев. Как я читал «Мертвые души»	451
Авторский указатель	455
Произведения, не вошедшие в антологию	457

Предисловие

*...Если представить книги оживотворенными и послушать,
о чем они одна с другою разговаривают, сколько интересного
можно бы узнать, и не только о жизни их владельцев, но и
об их собственных скитаниях из одного книжного шкафа в другой.*

Дмитрий Стахеев. Пустынник

Что может развлечь, согреть и утешить книголюба, как не истории о его любимом увлечении? Остросюжетные, бытовые, анекдотические, поучительные, сентиментальные — самые разные, но занимательные, мастерски написанные и обладающие несомненными художественными достоинствами.

Первооткрывателем «книжной темы» в русской прозе по праву считается выдающийся историк книги, библиограф Арлен Викторович Блюм (1933–2011). По его инициативе и при его деятельном участии в позднесоветский период были изданы четыре сборника* произведений и избранных фрагментов, посвященные книжному делу и культуре чтения. В СССР были опубликованы и прозаические антологии мировой литературы**, в которые вошло несколько сочинений отечественных писателей.

Однако основная часть упомянутых изданий представлена мемуарными, биографическими, публицистическими и прочими нехудожественными текстами. Ряд произведений уже малопонятны современному широкому читателю из-за архаичности языка и повествовательной манеры. Многие рассказы вряд ли вызовут интерес еще и потому, что за давностью времени утрачены исторический контекст и актуальность содержания.

* См.: Очарованные книгой. Русские писатели о книгах, чтении, библиофилах. — М.: Книга, 1982; Вечные спутники: Советские писатели о книгах, чтении, библиофильстве. — М.: Книга, 1983; Книжные страсти. Сатирические произведения русских и советских писателей о книгах и книжниках. — М.: Книга, 1987; Читатели и книжные работники в русской художественной литературе: Учебное пособие по курсу «Книговедение и история книги» (дореволюционный период). — Л.: ЛГИК, 1989.

** См.: Человек читающий. Номо legens. Писатели XX века о роли книги в жизни человека и общества. — М.: Прогресс, 1983; Листая вечные страницы. Писатели мира о книге, чтении, библиофильстве. — М.: Книга, 1983; Душа дела. Писатели о библиотечном труде. — М.: Книжная палата, 1987.

Вместе с тем в щедрых закромах нашей литературы можно обнаружить немало произведений «книжной темы», по разным причинам не попавших в поле зрения как дореволюционных, так и советских исследователей, но однозначно достойных прочтения. Не менее любопытны творческие эксперименты в этой тематике писателей-классиков, в силу разных обстоятельств не попавшие в орбиту читательского внимания.

Иной такой рассказ способен поведать едва ли не больше, чем объемный роман или даже многотомная энциклопедия. Как и почему менялось отношение людей к книгам с течением времени? Какой была читающая публика в XIX веке и начале XX столетия? Чем примечательны книгоиздание и книжная торговля того периода? В каких обстоятельствах формировались читательские вкусы, привычки, ритуалы? Что представлял собой причудливый замкнутый мир библиофилов?

Примечательно, что в русской литературе относительно немного сюжетных рассказов подобного содержания. Оно раскрывается преимущественно в эссеистике, очерковой прозе, аналитических заметках — сочинениях Даниила Мордовцева, Николая Свешникова, Николая Каронина-Петропавловского, Всеволода Крестовского, Владимира Гиляровского, Николая Рубакина... Тем ценнее тексты с ярко выраженной фабулой, и тем старательнее они отбирались для настоящего сборника.

Если в нашей литературе искать автора — «главнокомандующего книжными темами», то им, скорее всего, окажется Александр Измайлов (1873–1921). Малоизвестный сегодняшнему читателю, в свое время он имел репутацию остроумного фельетониста и видного литературного критика с широкими библиофильскими интересами. Он частенько навещал букинистов петербургского Александровского рынка, со многими из них был дружен. Из одних только его рассказов, связанных с образами книг и мотивами чтения, можно составить отдельный сборник.

«Вторым номером» можно назвать не менее даровитого писателя и столь же азартного библиофила Сергея Минцлова (1870–1933). Обладатель громадной библиотеки, коллекционер книжных раритетов, он известен не только как искусный рассказчик, но и как составитель до сих пор непревзойденного по масштабу собрания русской мемуарной литературы и автор каталога «Редчайшие книги, написанные в России на русском языке».

Творчество обоих писателей нашло отражение сразу в нескольких разделах нашей антологии.

К сожалению, пока не существует таких наноматериалов и супертехнологий, чтобы печатать книги любого объема. Собранного за несколько лет материала хватило бы как минимум на три увесистых тома, поэтому приходилось жестко выбирать, иной раз расставаясь с давно полюбившимся и милым сердцу текстом как со старым добрым другом. Звучит пафосно, но — уверяю — без преувеличения. По этой причине вы не найдете в предлагаемом сборнике широко растиражированные и ставшие хрестоматийными «Граматику любви» И. Бунина или «Дух госпожи Жанлис» Н. Лескова. Зато найдете не столь известные рассказы И. Гончарова, А. Чехова, А. Куприна и, разумеется, сочинения полузабытых, а то и почти преданных забвению писателей.

Дотошный читатель заметит, что в некоторых повествованиях образ книги не вполне очевиден, растворен в сюжете (С. Семенов «Счастливый случай») либо поглощен другими деталями, порой даже вопреки заглавию (И. Любич-Кошуров «Волшебная книга»). Однако тот же внимательный читатель по достоинству оценит подобные изящные неочевидности и лишний раз удивится бесчисленным возможностям варьирования библиомотивов в разных жанрах литературы.

Читателям, которые глубоко интересуются этими мотивами в отечественной прозе, адресован раздел «Произведения, не вошедшие в антологию». Перечень составлен в алфавитном порядке — по фамилиям авторов. Рассказы в каждом из разделов сборника даны в хронологическом порядке — по времени их создания.

В большинстве текстов сохранены авторские примечания и редакторские пометы из более ранних публикаций. Дополнительные комментарии внесены преимущественно для разъяснения устаревших реалий или книговедческих терминов. Созданные до 1917 года и затем не переиздававшиеся тексты публикуются в современных орфографии и пунктуации.

Сердечно благодарю за консультирование и помощь в подготовке сборника *Ларису Леонидовну Башкирцеву* — ведущего специалиста Отдела библиотечных фондов Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки; *Анну Игоревну Маркову* — заведующую сектором каталогизации Научной библиотеки Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина; *Евгению Валерьевну Семерикову* — заведующую

информационно-библиографическим отделом краснодарской Центральной городской библиотеки им. Н. А. Некрасова.

Всех увлеченных историей книжной культуры и ее воплощением в изобразительном искусстве — живописи, графике, скульптуре, прикладном творчестве, нью-арте — приглашаю присоединиться к моему просветительскому проекту «Fata libris / Судьба книг»:

t.me/sudba_knig (Телеграм);

vk.com/public_fata_libris (ВКонтакте).

Юлия Щербинина

ЧАСТЬ I

«Читаем
взасос,
от доски
до доски...»

Житейские истории

*Игнатий Щедровский. Чтец на набережной, из книги Щедровского
«Вот наши! С натуры», 1845*

*Мы там, брат, и Данта, и Конта, и Лавелэ,
и Бориса Маркевича, и Максима Белинского,
и Рафаила Зотова, всех читаем взапас,
от доски до доски... Кажжи!.. Что не читал —
то и возьму, только чтоб недорого...*

Петр Мартьянов. У букиниста

Антология открывается подборкой реалистических рассказов, главенствующая роль в которых принадлежит книге. Она как челнок сплетает ткань повествования. Сюжетообразующая деталь, двигатель действия, знаковая вещь — книга служит ключом к пониманию и авторского замысла, и многих событий далекого прошлого. А иногда она даже выступает в роли отдельного, самостоятельного персонажа.

Книга всегда способна удивить и позабавить читателя лихими поворотами сюжета или смысловыми перевертышами. Из «светоча знания» она парадоксально превращается в средоточие невежества (А. Погорельский «Монастырка»). Связанные с книгоизданием моральные табу и цензурные запреты неожиданно становятся источниками обогащения (П. Мартьянов «У букиниста»). В истовой страсти к чтению вдруг обнажается невообразимая глупость (И. Гончаров «Валентин»). И еще. Использованная необычным способом, книга помогает раскрыть преступление (А. Измайлов «Книга семи печатей»). Хранимая в качестве талисмана, она становится неиссякаемым источником щемящих душу воспоминаний (И. Наживин «Красная книжечка»). Предназначенная в подарок — вдруг делается предметом ссоры (А. Измайлов «Обида»). Изуродованная и поруганная — оборачивается воплощением совести (М. Горький «Дело с застешками»). Даже отчужденная от своего предназначения, воспринимаемая исключительно как вещь, книга все равно способна искушать, провоцировать, бросать вызовы. Испытывать людей на человечность, а мир — на подлинность.

Выходит, сам *образ книги* в любом художественном воплощении — торжественно-возвышенном или обыденно-бытовом — позволяет

писателю проникать в сокровенную суть вещей, понимать их более тонко и рассказывать о них более правдиво. Для читателя это не только удовольствие, но и некий риск. Читатель может получить эмоциональный ожог, или рану опыта, или пулю прозрения. Эти иррациональные, но вполне отчетливые ощущения можно назвать главными ориентирами и основными критериями отбора текстов.

Едва ли не каждая из собранных в этой главе историй могла бы приключиться здесь и сейчас, притом почти без поправок на время и литературные условности. Вместе с тем не стоит ждать от этих рассказов стилистических изысков и повествовательной изощренности. Многим современным читателям они могут показаться простоватыми, незатейливыми. Однако есть в них какая-то неизъяснимая красота, особая эстетика, обаяние интонаций, звучание полузабытых слов. А еще — мерцание потаенных чувств, оставляющее след в памяти.

Антоний Погорельский

Монастырка

(фрагмент)

Глава IX

ОБЪЯСНЕНИЕ

...Владимир едва успел встать и одеться, как вошел к нему в комнату Клим Сидорович.

— Доброго утра, — сказал он. — Я нечаянно шел мимо квартиры вашей и подумал себе: дай-ка посмотрю, рано ли он встает? Все ли вы в добром здоровье? А мои барышни всё еще сердятся! Уж я вчера стоял за вас горою; но они никак забыть не могут, что вы над ними так подшутили!

— Я вчера еще уверял вас, Клим Сидорович, что мне и в голову не приходило над ними подшучивать.

— Полноте, полноте! Как же вы при мне утверждали, что их не понимаете, а при всем том в собрании разговаривали с другими по-французски?

— Не прогневайтесь, Клим Сидорович! Но дочери ваши говорят не по-французски!

— По-каковски же? — спросил Дюндик с досадою.

— Не знаю! Только не по-французски!

— Вот это прекрасно! Я разве не держал у себя в доме Софронича, чтоб он обучал их французскому языку? Разве я не платил ему за то жалованья? Четыреста рублей в год, кроме харчей и подарков!

— Всему этому я верю! Но я должен сказать вам откровенно, что, по моему мнению, вероятно, Софронич сам не знает того, чему учил.

— Помилуйте, Владимир Александрович! Ведь он написал печатную книгу! Я могу вам ее показать: на одной стороне по-русски, а на другой по-французски. Ведь из нее-то дети мои и учились!

— Весьма любопытен видеть эту книгу, а между тем повторяю, что дети ваши так странно выговаривают и употребляют такие необыкновенные слова и выражения, что понять их никак невозможно.

— Ах уж вы, петербургские паничи! — сказал Дюндик, покачивая головою и с трудом удерживаясь от гнева. — Ну что за беда, если они и не так хорошо выговаривают, как природные французы? Все-таки они знают язык, а выговору-то всегда научиться можно!

— Сомневаюсь, очень сомневаюсь! Я не из тех, которые считают необходимым, чтоб русский выговаривал французские слова как природный француз; но дочери ваши уж чересчур дурно выговаривают! К тому же употребляемые ими выражения ясно доказывают, что учитель их едва ли слышал когда-нибудь, как говорят по-французски.

Клим Сидорович после столь решительного приговора о познаниях барышень призадумался, и твердая уверенность его к Софроньчу немного поколебалась. Почесавшись за ухом, он сказал Владимиру:

— Так неужто пропали все мои деньги и все труды Софроньча! Поэтому дочерям моим никогда нельзя и показаться в Петербурге?

— А почему же так? — спросил Владимир с удивлением.

— Да потому, что в петербургских обществах и ступить нельзя без французского языка. Я читал в печатных книгах, что там всех, не понимающих французского языка, презирают и что они и показаться не могут в большом свете, не навлекая на себя от всех насмешек.

— Те, которые говорят это, верно, не знают большого света и потому напрасно его обвиняют. Французский язык, конечно, у нас почти необходим, но это потому, что он таков и в остальной просвещенной Европе. Язык этот теперь сделался везде придворным и дипломатическим и потому в Петербурге так, как в Лондоне и в Вене, в Мадриде и в Стокгольме, употребляется в большом свете. Было время, когда латинский язык был дипломатическим и придворным; тогда даже и дамы объяснялись на нем правильно и свободно, и за то никто их не осуждал. Говорить, что французский язык употребляется в Петербурге в большом свете, значит говорить правду (впрочем, ни для кого не предосудительную); но утверждать, что большой свет презирает не говорящих на этом языке, значит клепать на него напрасно...

— Так вы будете уверять вопреки печатному, что в столице не насмехаются над не знающими французского языка!

— Мне по крайней мере не случалось этого видеть. Напротив того, я встречал в большом свете уважение к заслугам и к истинному таланту без всякого на то внимания, говорит ли кто по-французски. Некоторые из известнейших авторов наших, живущие

в большом свете и, впрочем, знающие французский язык, никогда почти не имеют случая изъясняться на оном, потому что все говорят с ними по-русски. Мне легко было бы назвать вам многих, если б мог я предполагать, что имена их вам известны.

— Ну! Так поэтому и над моими барышнями никто смеяться не будет, когда они приедут в Петербург?

— Вы можете быть в том уверены, если они сами будут говорить по-русски. Но решительно им советую избегать всех разговоров на французском языке. В Петербурге так, как и в чужих краях, есть класс щеголей — старых и молодых, которые, не зная французского языка, любят объясняться на оном даже с своими соотечественниками. Такие люди, конечно, смешны; но они были бы смешными везде, ибо охотою напрашиваются на насмешки, говоря без всякой надобности на таком языке, которого не понимают. В этом винить должно не общество, но их самих. Нет ничего в том смешного, если русский не говорит на иностранном языке, но смешно, если кто-нибудь, какой бы он нации ни был, из одного хвастовства и без надобности щеголяет таким языком, которого не понимает.

— Да как же, я сам читал в печатной книге, что в большом свете даже стыдятся того, кто не говорит по-французски?

— Мало ли что печатается! Россия весьма была бы достойна сожаления, если бы все то было справедливо, что о ней печатают! Вообще господа писатели должны бы приступать осторожнее к печатанию суждений своих о нравах, обычаях и недостатках нашего отечества. Предоставим врагам нашим писать карикатуры на русский народ, но русскому автору никогда не должно терять из виду, что теперь и в чужих краях начинают обращать внимание на нашу литературу. Приятно ли нам будет, если иностранцы, основываясь на собственных наших сочинениях, возымеют совершенно превратное о нас понятие? Без надлежащей осмотрительности можно и с самыми добрыми намерениями провиниться пред отечеством, коего слава и доброе имя должны быть драгоценны для каждого. Полезно, конечно, выводить наружу пороки и недостатки, но зачем пороки нескольких лиц приписывать целым сословиям? Зачем обвинять общество в недостатках, которые или вовсе не существуют, или принадлежат немногим членам оногo?..

Владимир так разгорячился, говоря о сем предмете, что не скоро бы еще окончил речь свою, если б продолжительная и довольно громкая зевота Климa Сидоровича не вразумила его, что он напрасно теряет слова с человеком, едва их понимающим.

Итак, он вдруг замолчал, а Дюндик воспользовался этим, чтоб приступить к нему с просьбою отправиться к Марфе Петровне для заключения мира с нею и с барышнями. Хотя Клим Сидорович и начал уже колебаться в мнении своем относительно Софроныча, но все еще сохранял некоторую надежду, что Владимир, может быть, преувеличивает незнание барышень. Он твердо полагался на сочиненную Софронычем книгу, по счастью отыскавшуюся между бельем и уборами, привезенными из деревни. Владимиру очень не хотелось исполнить его просьбу, но он решился на то потому, что мысль о том, что его обвиняли в насмешливости, была для него тягостна.

Когда пришли они к Марфе Петровне, дамы, по-видимому, их уже ожидали, ибо были разряжены, невзирая на раннюю пору. Они сидели около стола, перед софою, и, казалось, заняты были общим совещанием о разложенных Верою Климовною картах и о червонном короле, предмете их гадания. Обе барышни раскраснелись при виде Блистовского, и все три дамы бросали на него взоры не очень ласковые, хотя суровое выражение их глаз имело различные степени. Сердитее всех казалась Марфа Петровна; за нею следовала младшая дочь, Софья Климовна; а менее всех обнаруживала гнева Вера, коей суровость смягчена была выражением нежного упрека. Увидев Блистовского, она смешала карты, перед нею лежавшие, как будто опасаясь, чтоб он не заметил, о чем она загадывает.

После обыкновенных приветствий Владимир, по приглашению Марфы Петровны, сел возле нее. В продолжение нескольких секунд царствовало общее молчание, ибо все более или менее были в смущении и не знали, с чего начать. Клим Сидорович всех больше недоумевал и как будто чего-то боялся. Когда Марфа Петровна бывала не в духе, супруг ее всегда казался самым скромным и молчаливым человеком. Наконец Софья Климовна первая прервала молчание:

— Хорошо же вы с нами вчера поступили, Владимир Александрович! — сказала она.

— Да! — подхватила Марфа Петровна. — Правду сказать, мы никогда этого от вас не ожидали! Мы, конечно, в Петербурге не бывали, однако дочери мои, позвольте сказать, не такого разбору, чтоб можно было над ними смеяться. Не прогневайтесь, Владимир Александрович!

Вера Климовна не сказала ни слова, но взоры ее пристально устремлены были на Блистовского, который, заметив это, еще более смешался.

— Я не заслуживаю этих упреков, сударыня! — сказал он наконец, обратясь к раздраженной Марфе Петровне. — Я имел уже честь

объясниться с Климом Сидоровичем, и он, кажется, уверен, что мне и в голову не приходило насмехаться!

Дюндик между тем стоял неподвижно и не знал, что отвечать на неожиданный вызов Владимира.

— Ну что ж ты стоишь как чурбан! — вскричала Марфа Петровна. — Разве нет у тебя языка?

— Как не быть, матушка! Но ведь Владимир Александрович утверждает, что барышни наши действительно не умеют говорить — что их понять никак нельзя...

— Вот прекрасно! — вскричала Марфа Петровна, и глаза ее за- сверкали. — А Софроныч-то разве даром у нас хлеб ел?

— И Софроныч будто ничего не знает...

— Вот это очень мило! — вскричали обе барышни с горьким сме- хом. — Софроныч ничего не знает! А разве он не сочинил книгу?

— Позвольте же вам показать его сочинение! — прибавила Со- фья, обратясь к Владимиру и встав со стула.

— Пожалуйста, сударыня! — отвечал он и не рад был жизни, что решился к ним прийти.

Софья вышла на минуту в другую комнату и возвратилась от- туда, имея в руках небольшую книгу в шестнадцатую долю листа, которую и подала она Блистовскому с торжественным видом.

Владимир, раскрыв ее, прочитал следующее заглавие: «Jardin de Paradis pour leçon des enfants etc. Райский вертоград для детского чтения и проч.». *[Книга эта вышла в печать в Москве, 1818 года, в уни- верситетской типографии. Хотя имя автора не показано на заглав- ном листе, но мы имеем причины думать, что Софроныч не напрасно приписывал себе честь сего сочинения. Всякий, кому угодно будет срав- нить французский язык, употребленный в этой книге, с языком, кото- рому научились дочери Дюндика, охотно с нами согласится.]*

Он стал читать далее и изумился, увидев напечатанною совер- шенную бессмыслицу, так что он с трудом мог воздержаться от гром- кого смеха.

Между тем как он перелистывал это сочинение, взоры всех с не- терпением устремлены были на него. Заметив, что он закусил губы от смеха, Марфа Петровна сказала вне себя от досады:

— Ну-с! И это смешно, что ли?

— Это вовсе не по-французски, сударыня! Удивляюсь медному лбу автора, осмелившегося напечатать такой вздор!

— От часу не легче! — вскричала Марфа Петровна и взглянула на дочерей своих, как бы ожидая, чтоб они опровергли обвинения

Блистовского; но барышни не говорили ни слова. Они начинали сомневаться в познаниях Софроныча, и огорчение, ощущаемое ими при сей мысли, согнало румянец со щек их. У Веры Климовны даже навернулись на глазах слезы.

Владимиру тягостно было смотреть на жалкое положение бедных девушек; но делать было нечего! Надлежало кончить начатое, и потому он со всевозможною скромностию стал объяснять им, почему книга, изданная Софронычем, явно доказывает совершенное его незнание французского языка. Доказательства эти и уверительный тон наконец убедили всех слушателей.

— Ах он, разбойник! — вскричал Клим Сидорович. — Вот дай-ка мне воротиться домой, уж я его проучу!

— Ах он, мошенник! — воскликнула Марфа Петровна, задыхаясь от злости.

— Ах он, мошенник! — повторили за нею обе барышни.

— Тотчас долой его со двора! — сказал Клим Сидорович.

— Этого не довольно, батюшка! — заметили разгневанные барышни.

Семейство Дюндика долго еще продолжало такого рода восклицания, и все друг пред другом наперерыв возвышали наказание, которое, по мнению их, заслуживал жалкий Софроныч. Владимир заметил, что барышни при этом случае оказывались не милостивее прочих. Он воспользовался первою благоприятною минутою, чтоб откланяться, и возвратился домой, крайне сожалея, что неумышленно огорчил их открытием невежества бедного Софроныча.

Борис Алмазов

Катенька

(фрагмент)

Решившись воспитывать Катерину Петровну, Григорий Дмитриевич стал обдумывать план воспитания. По зрелом размышлении оказалось, что в основании воспитания должно быть положено развитие эстетическое: следовало начать чтение вслух поэтических образцов cum reputua adnotatione самого чтеца. Решено было начать чтение с Лермонтова как поэта самого забористого, способного сразу расшевелить застой молодой души, относящейся к жизни чересчур непосредственно и спокойно, не знающей благотворных сомнений... Читатели видят, что в системе воспитания, принятой нашим героем, сразу показалось противоречие: дело в том, что на выбор Лермонтова натолкнуло его не одно чистое стремление принести эстетическую пользу ближнему, но какое-то еще тайное желание, им сгоряча в то время совершенно не сознанный.

<...>

Было уже около четырех часов, когда Софья Васильевна, страшно расстроенная, сидела в гостиной и держала в руках книгу, не заглядывая в нее: ее очень беспокоило продолжительное отсутствие Катеньки. Доложили о Задольском. Она приняла его любезнее обыкновенного.

— Обедайте сегодня с нами; мы обедаем одни, потому что муж мой должен сегодня обедать у Закревского: там официальный обед, и все будут. После обеда вы нам что-нибудь прочитаете; мы с Катенькой так любим ваше чтение.

— Я очень рад... я даже сам хотел предложить вам... я с тем и пришел: я хотел вам сказать, графиня, но, может быть, это вам покажется

странным... Я хотел вам сказать... Конечно, это не мое дело, но мне кажется, что Катерина Петровна...

— Мало читала, хотите вы сказать.

— Да, мало читала... серьезных книг.

— Это совершенная правда.

— Так если вы мне позволите, я буду ей доставлять книги, нужные для ее умственного развития; конечно, эти книги будут проходить чрез вашу цензуру.

— Моей цензуры не нужно: я вам верю; благородство вашего характера, ваши нравственные правила — вот единственные члены того цензурного комитета, чрез который будут проходить книги, которые вы будете доставлять Катеньке.

— Я, если вы позволите, стал бы объяснять Катерине Петровне некоторые места из прочитанного...

— Я вам буду очень благодарна: вы так хорошо знакомы с литературой, у вас такой верный взгляд, такое прекрасное направление, что, я уверена, вы принесете много пользы моей племяннице.

В это время в комнату вошла, или, лучше сказать, вплыла, Катерина Петровна; она уже заранее знала, что Задольский у них, и приготовилась ко встрече с ним... И вот она предстала пред ним олицетворением самых утонченных светских приличий; в каждом движении ее были видны и развязность, и достоинство, в которых, впрочем, тонкий наблюдатель мог бы сию минуту заметить нечто напускное, неестественное. В это время она была страшно похожа на Зинаиду.

«Ну, — подумала с досадой Софья Васильевна, — урок, который дал ей мой супруг-дипломат, подействовал на нее сильно».

— Катенька, — сказала она, — Григорий Дмитриевич хочет нам сегодня что-нибудь прочесть.

— Ах, очень буду рада! — сказала так величественно-любезно Катенька, что ее аплону могла бы позавидовать и сама Зинаида.

«Боже мой, — подумала, сердясь на нее, Софья Васильевна, — с каким совершенством она копирует меньшую сестру! Она, должно быть, превосходно умеет передразнивать; уж не выучилась ли она этому искусству у той обезьяны, которая укусила ее за палец и прокусила, кажется, икру у ее родителя».

Задольский заметил, что Катерина Петровна смотрит на него совсем не тем взглядом, каким смотрела вчера; он не был тонким наблюдателем, или, лучше сказать, совсем никогда ни за кем не наблюдал, и потому не заметил, что спокойствие и величие Катерины Петровны было притворное, напускное.

«Ну что ж, — думал он, глядя на нее, — может быть, она меня не любит; может быть, вчерашний ее восторг относился не ко мне, а к будущей участи Италии. Ну что ж, пусть не любит, а я все-таки буду образовывать, развивать ее и буду это делать бескорыстно — не для своей, а для ее пользы».

После обеда пошли пить кофе на террасу.

— Что же вы нам сегодня прочтете? — сказала Софья Васильевна.

— Что-нибудь из Лермонтова... Я уже принес его с собой... Он там в передней... Ведь вам, Катерина Петровна, нравится Лермонтов?..

— Да... Ведь это тот, что был убит на дуэли?

— Да.

— Я его жену видела в Петербурге; она бывала у маменьки... Такая еще до сих пор красавица!..

— Лермонтов никогда не был женат, Катерина Петровна.

— Как не был? Когда я своими глазами видела его жену — Наталью Николаевну; она ведь после его смерти вышла за другого, — возразила Катенька, с аплоном Зинаиды...

— Ты видела жену не Лермонтова, а Пушкина, — сказала с недовольным видом Софья Васильевна, краснея слегка за племянницу.

— Вы много читали стихов? — спросил Катеньку Задольский.

— Я много учила наизусть...

— Что ж вы учили, например?

— Я учила «A peine nous sortions des portes de Trézéne»*, Le songe d'Athalie: «C'était pendant l'horreur d'une profonde nuit»**... потом «Je suis Romaine, hélas! puisqu'Horace est Romain»***.

«Все из проклятых лжеклассиков», — подумал Григорий Дмитриевич.

— Еще какие стихи вы учили? — спросил он.

— Басни Лафонтена...

— А по-русски вы никаких стихов не учили?

— Нет, нам не задавали.

— А по-немецки?

* Едва мы вышли из ворот Трезена (*фр.*). Из трагедии Жана Расина «Федра».

** То было в трепетной тиши глубокой ночи (*фр.*). Из трагедии Жана Расина «Сон Гофолии» (пер. П. Катенина).

*** Гораций — римлянин. Увы, обычай прав. Я стала римлянкой, его женою став (*фр.*). Из трагедии Пьера Корнеля «Гораций» (пер. Н. Рыковой).

— По-немецки мы учили басню, которая, кажется, называется «Der Sperling und die Fliege»*.

— А из Шиллера и Гёте ничего не учили?

— Ничего... Вот из Казимира Делавинья нам задавали много...

«Даже из Казимира Делавинья! — подумал с омерзением Григорий Дмитриевич. — Ведь уж гаже Казимира Делавинья ничего нет, кроме касторового масла».

— Нечего сказать, многостороннее литературное образование дала моя сестрица своим дочерям! — подумала со вздохом Софья Васильевна. — Ну что же, Григорий Дмитриевич, не угодно ли вам начать чтение? — поспешила сказать она, боясь, чтобы дальнейшими расспросами Задольский не обнаружил еще больше невежества ее племянницы.

Григорий Дмитриевич вышел из комнаты и через минуту возвратился с книгой. Катерина Петровна была в сильном волнении перед началом чтения: она несколько раз выходила из комнаты под разными предлогами — то будто оттого, что позабыла платок, то за своей работой, то чтоб отдать какое-то важное приказание своей горничной. В самом же деле она выходила затем, чтоб пить холодную воду: она знала, как сильно на нее действует чтение Задольского, и потому хотела расхолодить себя, дабы с подобающим светской девице спокойствием его слушать.

Наконец чтение началось. На этот раз Григорий Дмитриевич читал особенно отчетливо и умно: видно было, что он старательно приготовился к чтению. Как известно читателю, он положил сделать целый ряд чтений с чистой, бескорыстной целью развить умственно Катерину Петровну, единственно для душевной пользы, хотя бы это было во вред ему самому, как претенденту на ее руку. И вот, мы не знаем отчего, от сильного ли чувства бескорыстия или по другой какой причине, он с особенным выражением произносил те места, где дело шло о любви: тут в голосе его слышалась особенная страстность, особенная задушевная вибрация, особенное, хотя тонкое и деликатное, но тем не менее заметное ударение на некоторых фразах, — заметное для тех, кому *оное заметить надлежало*. Некоторые стихи были произнесены так, что отзывались шпилькой нежного укора для сердца тех, чье сердце надлежало затронуть таковой шпилькой. И замечательно, что все это делалось не по обдуманному плану, а безотчетно, бессознательно — импровизацией. Что

* Воробей и Муха (нем.).

делать, таково сердце человеческое! Часто самый честный, благородный человек, приступая к какому-нибудь делу с самой бескорыстной целью и даже с самоотвержением, незаметно для себя изменяет свою цель из бескорыстной в самую эгоистическую и, сам того не видя, лицемерит перед самим собой.

Катерина Петровна держала себя во время чтения если не в высшей степени искусно, то по крайней мере необыкновенно старательно. В сильных местах, где дело шло о любви, она не отрывала глаз от работы, дабы по глазам ее никак нельзя было заметить чувств ее к чтецу; в местах спокойных, где описывалась, например, бездушная природа, она опускала работу и смотрела на чтеца самым холодным, важным и бесчувственным взором, дабы он видел, что она к нему решительно ничего не чувствует. Григорий Дмитриевич прочел для первого своего педагогического дебюта много стихов из Лермонтова, и притом все пьесы самого раздражающего душу свойства.

К концу чтения Катерина Петровна была сильно наэлектризована. Особенно сильное впечатление произвели на нее следующие стихи из поэмы «Мцыри»:

*...Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать, с тоской, к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.*

Стихи эти Катенька приняла прямо, так сказать, на свой счет и на счет Задольского, и они сильно потрясли ее; прослушав их, она вдруг почему-то почувствовала, что они с Задольским в нравственном мире оба такие же круглые сироты, как Мцыри, что они совершенно чужды всему их окружающему и так не похожи на всех других, так уродливо странны и дико смешны в их глазах, что могут найти счастье только в любви, в близости друг к другу и больше ни в чем и никогда! В эту минуту средство скрыть свои чувства, устремляя глаза в работу, оказалось недостаточным: потребовалось уронить на пол иголку и искать ее долго-долго под столом.

К счастью, Григорий Дмитриевич был самый нелюбезный и недогадливый кавалер во всей Европейской России: в противном случае он бы непременно прислужился нашей героине, бросился бы помогать ей искать иголку — нагнулся бы под стол, — и тогда... тогда бы он увидел, какие обильные потоки слез лились из глаз его слушательницы. Бог знает сколько бы времени пришлось ей держать голову в наклонном положении, если б в комнату не вошел муж Софьи Васильевны. Задольский встал со своего места, чтоб поздороваться с графом, а Катенька, воспользовавшись тем, что очутилась у него в тылу, незаметно для него исчезла из гостиной, прошла в свою комнату, отерла слезы, умылась, потом прошла несколько раз по саду и возвратилась в гостиную свежая, спокойная с виду, как олимпийское божество.

На другой день после первого своего педагогического дебюта, т. е. усиленно выразительного чтения стихов Лермонтова, в назидание Катерине Петровне, Григорий Дмитриевич только что проснулся и открыл глаза, как сию же минуту, по обыкновенно своему, предался анализу — стал давать себе отчет во вчерашних своих впечатлениях и действиях. На этот раз, не найдя ничего особенного в своих впечатлениях, он остался очень недоволен своими действиями; совесть сказала ему прямо, что он покривил душой, что, взяв на себя святую обязанность — воспитать нравственно молодую девушку, он вчера читал перед Катенькой Лермонтова не столько для того, чтоб развить в ней умственные способности и эстетическое чувство, сколько для возбуждения сочувствия к своей собственной особе.

— Это подло! — решил Григорий Дмитриевич в заключение своих размышлений. — Подло — под личиной педагогики и даже, так сказать, филантропии преследовать свои мелкие, эгоистические цели! Нет, если ее воспитывать, так воспитывать — для нее самой, а не для меня... И можно ли было выбрать Лермонтова для чтения такой молоденькой, такой, так сказать, чересчур невинной девушки, даже почти девочки, как она! Для чего я это сделал, для чего? Уж не для того ли,

*Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон спокойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?..
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такою страшною ценою
Ее любви я не куплю!..*

Продекламировав этот отрывок из стихотворения Лермонтова, с некоторым изменением, как это видят читатели, последнего стиха*, Задольский предался спокойным педагогическим соображениям.

«Нет! — решил он наконец. — Надо начать ее развитие со строго научного образования... Но как начать его? С какой науки? Да чего лучше истории! История в лучших своих представителях, т.е. в историках-художниках, есть в одно и то же время и наука, и искусство, а потому она развивает и ум, и эстетическое чувство... Но как начать преподавать Катеньке историю? Я не учитель ее и не имею права навязываться к ней с уроками... Начать читать ей вслух какое-нибудь руководство к истории?.. Но, во-первых, это будет как-то смешно; во-вторых, ей будет скучно, и она не станет слушать, а кто же ее может принудить слушать: не просить же мне Софью Васильевну наказывать ее за невнимание и неприлежание!»

На этих вопросах наш импровизированный педагог сильно призадумался; но после нескольких минут тягостного размышления он вдруг радостно вскочил со стула с выражением лица, какое имел Архимед в то мгновение, когда, выскочив из ванны, закричал свое знаменитое «Эврика».

— Надо ей читать романы Вальтер Скотта! (Таково было *Эврика* нашего героя.) Тут все, что ей нужно, — и история, и поэзия, и познание жизни.

— Яков, Яков! — закричал вдруг Григорий Дмитриевич.

— Чего изволите? — спросил с обычной важностью Яков, покаяваясь в дверях.

— Вели сию же минуту заложить коляску.

— Слушаю-с.

— Я тебе дам записку, и ты отвезешь ее в книжный магазин ... ва, знаешь?

— Слушаю-с.

— Там тебе по этой записке дадут книги: ты их привезешь ко мне, сюда: не оставь, пожалуйста, их в магазине, как в прошлый раз, это совсем не нужно; понимаешь?

— Слушаю-с.

Григорий Дмитриевич поспешно написал записку и отдал Якову. Но тот, взяв записку, стал пристально, глупо и глубокомысленно смотреть на нее, переминаясь с ноги на ногу.

* У Лермонтова: «Такой тяжелою ценою / Я вашей славы не куплю» (стихотворение «Журналист, читатель и писатель»).

— Ну что же ты, Яков? Поезжай, ради бога, как можно скорее!
— Так это вы, сударь, для меня изволили приказывать заложить коляску?

— Ну да.

— Увольте, Григорий Дмитриевич!

— Как уволить, от чего тебя уволить?

— Явите божеское милосердие, увольте, потому я в колясках разъезжать не способен: нешто я благородный или купец!.. Да и буфетчик станет тоже опять смеяться, скажет: за какие такие услуги тебя на колесницу посадили. Потому, намерен, как вы меня изволили послать в коляске за настройщиком, — так он это и говорит, это, говорит, точно в Писании, что диакон в церкви читает. Нет, увольте, Григорий Дмитриевич, потому...

— Ну хорошо, хорошо — уволью... Но ведь эти книги мне нужны скоро, а ты пешком проходишь за ними больше десяти часов.

— Зачем же пешком? Помилуйте, сударь! Здесь, в Обрезкове, тоже калиперы есть.

— Чтó есть?

— Говорю, живейного извозчика, мол, можно здесь нанять.

— Ну, нанимай же скорее взад и вперед извозчика и отправляйся!

Яков быстро исполнил поручение своего барина, так что не прошло и двух часов после приведенного разговора, как Григорий Дмитриевич уже читал перед Катенькой и ее теткой роман В. Скотта «Квентин Дервард»* (в русском переводе). Катенька с самым живым интересом слушала как текст романа, так и эстетические и исторические пояснения красноречивого чтеца. Так как Задольский был весьма щедр на комментарии, то чтение романа продолжалось несколько дней. Катенька с каждым чтением все больше и больше заинтересовывалась историей и с каждым разом все щедрее и щедрее осыпала Задольского вопросами. Она предлагала вопросы с таким живым внутренним интересом, что едва сдерживала на себе личину величавого спокойствия Зинаиды.

Раз, после чтения, Катенька была особенно щедра на вопросы, а Григорий Дмитриевич, отвечая на них, с особым одушевлением объяснял внутреннее значение разных исторических фактов. Конечно, здесь, как во всякой живой беседе между людьми с живыми темпераментами, делались быстрые скачки от одного предмета к другому, так что собеседники перескакивали то и дело от древней

* «Квентин Дорвард» — исторический роман Вальтера Скотта.